Минск анонсировал возможные изменения своей внешней политики

Евгений Прейгерман

Резюме

Внешняя политика стала одной из центральных тем на Всебелорусском народном собрании (ВНС), прошедшем 11-12 февраля 2021 года. Это не удивительно, так как продолжающийся политический кризис, который разразился в августе 2020 года после президентских выборов, оказал «разрывной» эффект на международные дела страны.

Опубликовано в Eurasia Daily Monitor

Как это происходило после большинства президентских выборов в Беларуси, Европейский союз и США не признали официальные итоги выборов легитимными и ввели новые санкции против режима Александра Лукашенко. Беларусь ответила введением собственных ограничительных мер в отношении официальных лиц ЕС, снижением участия в инициативе ЕС «Восточное партнерство»; также было выдвинуто требование к Литве и Польше (которые в Минске рассматриваются как основные инициаторы европейских санкций) сократить штат посольств и отозвать послов для консультаций. Более того, в ответ на каждый новый пакет санкций, Минск усиливает уровень репрессий в Беларуси.

Все это спровоцировало полномасштабный дипломатический кризис между Беларусью и ЕС, который практически свел на нет все достижения процесса нормализации белорусско-западных отношений в предыдущие годы.

> Желание Украины перенести переговорную площадку по ситуации в Донбассе из Минска в другое место еще больше усложняет ситуацию и обесценивает белорусские попытки заявить о себе, как о геополитически нейтральной территории в Восточной Европе, что формировало ее внешнеполитическое мышление в 2014-2020 годах.

Результатом стало появление полуофициальных голосов, призывающих Минск изменить свой внешнеполитический курс. Например, председатель постоянной комиссии по международных делам Палаты представителей Национального собрания Андрей Савиных публично заявил, что концепция многовекторности, которой Беларусь руководствуется в своей внешней политике с начала 1990 годов, более не служит интересам страны. Он считает, что Беларусь должна отбросить тщетные попытки развивать политические отношения с Западом и просто следовать в фарватере России по всем основным международным проблемам.

Тем не менее, эта позиция не получила поддержки во время ВНС. Напротив, Александр Лукашенко и министр иностранных дел Владимир Макей подчеркнули, что многовекторность должна оставаться главным принципом внешней политики даже в нынешних обстоятельствах. Макей заявил, что многие достижения Беларуси в последние тридцать лет стали возможными лишь благодаря многовекторной внешней политике. Более того, он подчеркнул, что Беларусь остается заинтересованной в сильном ЕС и крепком Трансатлантическом партнерстве.

В условиях дипломатической конфронтации с Западом подобная риторика могла вызвать некоторое недоумение в Минске, Москве и даже в западных столицах, однако она понятна и легко предсказуема как минимум по трем причинам.

Во-первых, принимая во внимание происходящую трансформацию системы международных отношений, сохранение многовекторности остается для Беларуси наиболее благоразумной линией. В отличие от того, что утверждают сторонники изменения концепции внешней политики, растущая конкуренция между великими державами открывает новые политические и экономические возможности для такого небольшого государства, как Беларусь. Используя эти возможности, государство расширяет пространство для международного маневра, и, таким образом, повышает свою устойчивость перед лицом множества геополитических рисков и неопределенностей. Внешнеполитическое примыкание лишь к одной великой державе в подобной международной обстановке, напротив, неизбежно приведет к утрате суверенитета.

Во-вторых, малая открытая экономика Беларуси требует многовекторной внешней политики. Другими словами, Беларусь жизненно зависима от международной торговли, и один лишь рынок России/ЕАЭС не может удовлетворить все белорусские потребности.

В-третьих, согласно различным недавним и более поздним опросам общественного мнения, ни один из векторов внешней политики не получает полной поддержки абсолютного большинства белорусов. Таким образом, отказ от многовекторности только бы обострил уже существующую серьезную проблему поляризации общества и еще больше подорвал бы страну изнутри.

При этом, хотя ВНС зафиксировало конкретное решение в пользу сохранения многовекторности белорусской внешней политики, оно все же оставило некоторое чувство неоднозначности, что привело к появлению противоречивых и даже противоположных интерпретаций в СМИ. Эта неоднозначность возникла из-за двух других предложений, высказанных Владимиром Макеем. В частности, он предложил внести поправки в статью 18 действующей Конституции, которая утверждает, что «Республика Беларусь ставит своей целью сделать государство нейтральным». С его точки зрения, эта формулировка более не отвечает международным реалиям. Также он выдвинул предложение о том, что правительство должно изменить так называемую формулу «33-33-33» диверсификации внешней торговли. В настоящее время она предусматривает, что треть всего экспорта должна идти в Россию/ЕАЭС, другая треть – в ЕС, и еще одна треть – в другие страны мира. Согласно предложению Макея, новая версия формулы должна выглядеть следующим образом: 50% (Россия/ЕАЭС) – 25% (ЕС) – 25% (другие страны).

Еще больше неоднозначности добавили слова Макея о том, что МИД обязуется «подготовить новую концепцию внешней политики» в свете последних событий. Для невнимательного наблюдателя это, наверное, прозвучало как подтверждение того, что идет смена внешнеполитического курса страны. Но у Беларуси никогда не было концепции внешней политики (но есть Концепция национальной безопасности). Поэтому если такой документ и находится в стадии подготовки, то он в принципе не может ничего заменить. По всей вероятности, он лишь зафиксирует в максимально расплывчатых формулировках существующую концепцию многовекторности (так как любая строгая формулировка наложила бы контрпродуктивные ограничения на возможности Минска маневрировать во внешней политике).

Предложенная же модификация формулы внешней торговли, просто отражает сложившуюся реальность.

> Даже в период нормализации отношений с ЕС у Минска не получалось достичь целевого показателя 33% и экспортировать больше на очень протекционистский рынок ЕС. Сейчас же, когда Брюссель ввел санкции и приостановил реализацию большинства программ сотрудничества, эта цель и вовсе недостижима.

Предложение удалить из Конституции пункт о нейтралитете носит более символический характер, так как в последние годы Минск иногда осторожно опирался на статью 18, позиционируя себя в качестве площадки для проведения мирных переговоров и ситуативно нейтрального актора в регионе. Однако в действительности Беларусь не была нейтральной с тех пор, как присоединилась к Договору о коллективной безопасности в конце 1993 года. Более того, у Беларуси есть двухсторонние обязательства в сфере обороны с Россией, и она всегда серьезно к ним относилась. Поэтому, даже если это предложение получит отражение в новой редакции Конституции, это не принесет существенных *де-факто* изменений во внешнюю политику Беларуси. В то же время такое предложение, безусловно, добавит очков Минску в глазах Москвы, что наверняка и стало важным мотивом.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»